

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кузнецова Е. Д. Нарушение языковой нормы немецкого языка под влиянием феминистской политики современной Германии / Е. Д. Кузнецова, Н. О. Юдин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 71—89. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-71-89.

Kuznetsova, E. D., Yudin, N. O. (2026). Violation of German Language Norms under Influence of Feminist Policy in Contemporary Germany. *Nauchnyi dialog*, 15 (3): 71-89. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-71-89. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Нарушение языковой нормы немецкого языка под влиянием феминистской политики современной Германии

Кузнецова Екатерина Дмитриевна
orcid.org/0009-0007-5619-5360
аспирант кафедры
немецкого языка
rio14032014@gmail.com

Юдин Никита Олегович
orcid.org/0000-0002-3579-0917
кандидат политических наук,
старший преподаватель
кафедры немецкого языка,
корреспондирующий автор
n.yudin@inno.mgimo.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Violation of German Language Norms under Influence of Feminist Policy in Contemporary Germany

Ekaterina D. Kuznetsova
orcid.org/0009-0007-5619-5360
Postgraduate Student,
Department of German Language
rio14032014@gmail.com

Nikita O. Yudin
orcid.org/0000-0002-3579-0917
PhD in Political, Senior Lecturer,
Department of German Language,
corresponding author
n.yudin@inno.mgimo.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Кузнецова Е. Д., Юдин Н. О., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено анализу влияния феминистской политики современной Германии на устойчивость языковых норм в политическом дискурсе. В статье рассматривается процесс внедрения гендерных маркеров в язык, трактуемый как нарушение традиционной грамматической и орфографической нормы немецкого языка. Цель исследования заключается в выявлении лингвистических маркеров, свидетельствующих об искусственной трансформации языка под давлением новой политической повестки. В качестве материалов исследования привлекаются тексты двух программных документов, опубликованные в 2023 году министерством иностранных дел ФРГ и министерством экономического сотрудничества и развития ФРГ. В совокупности проанализировано 235 000 знаков эмпирического материала. На основе качественного и количественного анализа продемонстрировано, как концептуальное ядро феминистской политики эксплицируется через неканонические графические и морфологические средства, что ведет к нарушению языковой нормы современного немецкого языка. Авторы приходят к выводу, что наблюдаемая тенденция представляет собой форму политически мотивированного языкового вмешательства, которая формирует альтернативный узус, вступающий в противоречие с кодифицированной нормой.

Ключевые слова:

языковая норма; гендер; феминистская политика; политический дискурс; гендерная лингвистика; политкорректность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the impact of feminist policy in contemporary Germany on the stability of linguistic norms within political discourse. The article examines the process of integrating gender markers into the language, which is interpreted as a breach of traditional grammatical and orthographic norms in German. The research aims to identify linguistic markers that indicate artificial language transformation driven by new political agendas. The materials for this study include two policy documents published in 2023 by the Federal Foreign Office and the Federal Ministry for Economic Cooperation and Development of Germany, collectively comprising 235,000 characters of empirical data. Through qualitative and quantitative analysis, the study demonstrates how the conceptual core of feminist policy is expressed through non-canonical graphic and morphological means, leading to violations of the language norms in modern German. The authors conclude that the observed trend represents a form of politically motivated linguistic intervention, creating an alternative usage that contradicts codified norms.

Key words:

language norm; gender; feminist policy; political discourse; gender linguistics; political correctness.

УДК 811.112.2*271.16

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-71-89

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Нарушение языковой нормы немецкого языка под влиянием феминистской политики современной Германии

© Кузнецова Е. Д., Юдин Н. О., 2026

1. Введение = Introduction

Политическая сцена Германии в период с 2021 по 2025 годы характеризуется не только высоким представительством женщин на ключевых постах, но и внедрением новых подходов в политике, что создает уникальную исследовательскую ситуацию для анализа взаимосвязи между языком, властью и гендером.

В современной лингвистике наблюдается научный интерес к гендерным новациям в немецком языке, что находит отражение в трудах как зарубежных [Ängsal, 2020; Posch, 2024; Kotthoff, 2017], так и отечественных ученых [Чигашева, 2020; Кузнецова et al., 2025; Слина et al., 2021; Нефедова, 2024]. Параллельно публикуются аналитические работы, исследующие политические аспекты феминистской повестки [Zilla, 2023; Fröhlich et al., 2023; Соколов et al., 2024]. В статье проблема гендера в языке рассматривается через призму конфликта между идеологическим прескриптивизмом и внутренней грамматической структурой языка, что восполняет теоретическую лауну в изучении влияния экстралингвистических факторов на устойчивость языковой нормы. Для описания рассматриваемого феномена применяется понятие «гендерная политкорректность», используемое в отечественном академическом дискурсе [Николаева, 2010; Лалетина, 2010; Чигашева, 2020]. Анализ дискурса немецких политиков показывает, что так называемая «гендерная политкорректность» активно реализуется уже на уровне публичных выступлений, включая специфические обращения и культурно-обусловленную лексику [Чигашева и др., 2020]. В рамках настоящего исследования под *гендерной политкорректностью* понимается прескриптивная коммуникативная стратегия, направленная на изменение языкового узуса с целью устранения предполагаемой гендерной асимметрии.

Идеологическим фундаментом в Германии для внедрения принципов гендерной политкорректности послужила доктрина феминистской политики, базирующаяся на принципе «3R»: **Rechte** (права), **Repräsentanz** (представленность) и **Ressourcen** (ресурсы) [Auswärtiges Amt ..., 2023], заимствованном из более ранних моделей, принятых в других странах ЕС, таких как, например, Швеция (2014). Для лингвистического анализа критическое значение имеет второй компонент триады — представленность.

Ряд представителей политического истеблишмента исходит из постулата, что полноценное участие женщин в принятии решений невозможно без их представленности, то есть эксплицитной «видимости» в языке. Эта установка вступает в системный конфликт с грамматическим строем немецкого языка, в частности, с традицией употребления мужского рода в обобщающем значении (*generisches Maskulinum*). Норма, исторически предполагающая использование мужского рода для обозначения смешанных групп как гендерно-нейтральный инструмент, подвергается сегодня критике и деконструкции [Günther, 2019; Maier, 2021; Braun et al., 2007]. В современном политическом дискурсе Германии под влиянием феминистской повестки происходит активная разработка замещающих конструкций. Таким образом, требование «языковой видимости» женщин становится инструментом политического давления, ведущим к трансформации профессиональной коммуникации и нарушению кодифицированных норм немецкого языка.

В связи с этим возникает следующая **гипотеза**: активное продвижение феминистской политики в Германии выступает катализатором искусственной трансформации немецкого языка, что ведет к размыванию грамматической категории рода и нарушению действующих языковых норм в официальном дискурсе. Настоящая гипотеза основывается на предположении о наличии прямой положительной корреляции между степенью артикуляции принципов феминистской политики и частотностью использования гендерно-маркированных единиц в программных документах, официально представленных женщинами-политиками рассматриваемого периода (2021—2025 годы). **Цель** исследования заключается в выявлении и систематизации лингвистических маркеров феминистской политики в официальном дискурсе Германии как индикаторов отклонения от языковой нормы.

2. Материал, методы, обзор = **Materials, Methods, Review**

Импульсом к лингвистическим трансформациям в немецкоязычном пространстве послужили социополитические сдвиги, связанные со второй волной феминизма в 70—80-е годы XX века. Этот период ознаменовался фундаментальной переоценкой правового статуса женщин и ростом общественного сознания в отношении языковой дискриминации. На академи-

ческом уровне это нашло отражение в публикации работ по феминистской критике языка [Trömel-Plötz, 1979; Pusch, 1984; Hellinger, 1990]. Социальная трансформация общества сопровождалась реализацией идей феминистского изменения речевого употребления, что способствовало в том числе разработке и признанию ряда официальных документов. Знаковым событием стала ратификация бундестагом «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979), за которой последовало принятие национальных «Директив по предотвращению сексистского употребления языка» (1990). Специально созданная рабочая группа бундестага «Язык права» занималась правовым регулированием наименований профессий и должностей по признаку пола [Антропова, 2016]. Дальнейшая легитимация была продолжена в рекомендациях немецкого отделения ЮНЕСКО «Язык для обоих полов» [Hellinger et al., 1993], а также в земельных законодательных актах, запрещающих использование существительных мужского рода в обобщающем значении (например, закон земли Северный Рейн-Вестфалия: Landesgleichstellungsgesetz NRW [Gesetz zur Gleichstellung ..., 1999]). В настоящее время продвижение концепции гендерной политкорректности в немецком языке осуществляется не только в академической среде ведущими университетами страны, но и на уровне ключевых политических институтов. По данным платформы «Geschickt Gendern», все партии, вошедшие в бундестаг 21 созыва, следовали требованиям гендерной политкорректности в своих предвыборных программах (за исключением партий «Альтернатива для Германии» и «Союз Сары Вангенкнехт») [Gendern-Wahlprogramm-Check, 2025].

В актуальных зарубежных исследованиях активно предпринимаются попытки установить взаимосвязь между политической поддержкой и нормализацией гендерной языковой практики. Так, научные работы К. Пош демонстрируют, что женщины-политики Австрии, используя гендерные языковые маркеры в официальных выступлениях или парламентских дебатах, переводят их из спорного объекта академических и общественных дискуссий в коммуникативную реальность [Posch, 2024]. В исследовании Д. Нюблинг рассматриваются изменения в официальных наименованиях должностей и профессий, в частности демонстрируется, что новации, инициированные «сверху» (например, в академических уставах или правительственных документах), потенциально ведут к сдвигам в языковой практике [Nübling, 2020]. Политический дискурс, таким образом, намеренно превращают в поле для продвижения новых гендерных практик в языке вопреки возможным нарушениям нормы.

Сторонники языковых реформ, как, например, немецкий исследователь А. Стефанович, артикулируют морально-этические императивы. В одной

из своих работ автор подчеркивает, что использование гендерных маркеров в языке — это не вопрос грамматической или эстетической нормативности, а этический выбор и знак стремления общества к социальной справедливости [Stefanowitsch, 2018]. При этом стоит отметить, что далеко не все немецкие исследователи положительно оценивают гендерные новации в языке. Оппоненты, среди которых влиятельные лингвисты Г. Цифонун и П. Айзенберг, выступают с резкой системной критикой [Zifonun, 2018; Eisenberg, 2022]. Они указывают на риски чрезмерной идеологизации и принудительного вмешательства в языковую систему. По мнению ученых, принципы гендерной политкорректности в немецком языке представляют искаженную интерпретацию традиционных грамматических норм, в частности семантико-функциональной нагрузки существительных мужского рода в собирательном значении.

Внедрение гендерных маркеров, особенно в сфере официально-деловой коммуникации, вызвало критику со стороны немецких публицистов [Klein, 2021; Haberich, 2022; Mächler, 2023]. За последние годы был выпущен целый ряд материалов, в которых данная языковая практика обесценивается и характеризуется как «гендерная чепуха» (Gender-Gaga). Использование этого пренебрежительного клише служит цели стигматизации гендерно-ориентированных языковых изменений как явления идеологически ангажированного и лишённого научной основы [Kelle, 2020]. В контексте продолжающейся поляризации между общественно-политическим запросом и формальной сдержанностью анализ актуальных тенденций в сфере гендерной политкорректности официального дискурса Германии приобретает научную значимость.

Эмпирическим **материалом** исследования служит полный текст двух программных документов, опубликованных и представленных общественности в 2023 году министром иностранных дел Анналеной Бербок и министром экономического сотрудничества и развития Свеньей Шульце (правительство под руководством федерального канцлера О. Шольца (2021—2025 годы)): «Feministische Außenpolitik gestalten. Leitlinien des Auswärtigen Amtes» (Формирование феминистской внешней политики. Руководящие принципы МИД ФРГ) и «Feministische Entwicklungspolitik. Strategie des Bundesministeriums für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung» (Феминистская политика развития. Стратегия министерства экономического сотрудничества и развития ФРГ). Общий объем анализируемого материала составил 235 000 знаков. Для проверки гипотез применялся комбинированный **метод** лингвистического исследования: количественный анализ (сплошная выборка, подсчет и классификация гендерно-маркированных единиц) и качественный анализ (идентификация и семантический

анализ гендерно-маркированных единиц, относящихся к концептуальному ядру феминистской политики, а также изучение их контекстуального употребления для иллюстрации идеологической функции).

3. Результаты исследования = Results and Discussion

3.1. Статистический анализ текстов

Анализ текстов программных документов позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу о намеренной деформации языковой нормы под влиянием идей феминистской политики. Рассматриваемые документы представляют собой пример последовательной реализации концепции гендерной политкорректности с упором на феминизацию языка, ведущей, однако, к деструктивному вмешательству в морфологическую и орфографическую систему языка и нарушениям существующих норм. Лингвистический выбор в текстах представляется не столько нейтральным сопровождением феминистской повестки, сколько осознанным инструментом продвижения определенных идеологических установок. Стремление к максимальной «видимости» на практике зачастую приводит к намеренному усложнению текстов избыточными гендерными маркерами и перенасыщению языка, что может создавать излишнюю когнитивную нагрузку на читателя и негативно сказываться на стабильности языковых норм в сфере государственной коммуникации.

Эмпирическим подтверждением данной тенденции служат результаты статистического анализа программных текстов, в ходе которого был выявлен доминирующий гендерный маркер (рис.). Как показывает визуализация

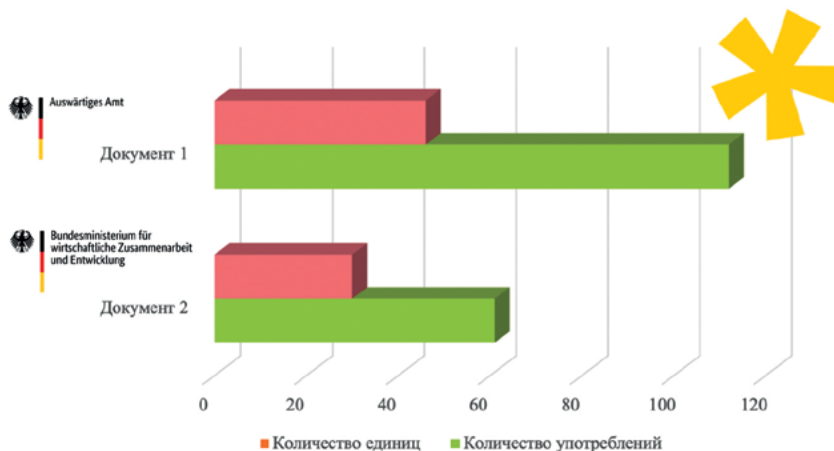

Рис. Количественная характеристика употребления гендерной звездочки

зация данных, наиболее часто в текстах обоих программных документов используется гендерная звездочка (нем. Gendersternchen) — знак астериска, размещаемый между основной слова и гендерно-маркированным суффиксом для обеспечения языкового равенства полов. Это наиболее явная и идеологически выраженная в современном политическом дискурсе Германии форма гендерной неографии, официально принятая отдельными партиями и общественными движениями, в частности партией «Союз 90/Зелёные» [Beschluss Bündnis ..., 2015], как маркер политической идентичности.

Статистика использования гендерной звездочки, визуализированная на рисунке, раскрывает две стороны языковой практики: количественный охват и лексическое разнообразие. Документ МИД ФРГ характеризуется бóльшим числом употреблений (112) и более широким репертуаром форм (46 уникальных единиц), тогда как документ министерства экономического сотрудничества и развития — меньшими, но соизмеримыми показателями (61 употребление для 30 единиц). При этом интенсивность использования в обоих случаях сопоставима, о чем свидетельствует средняя частотность употребления в диапазоне от 2 до 2,5 повторов на единицу.

Наиболее частотными и репрезентативными примерами, извлеченными из текста, выступают лексемы: *Akteur*innen*, *Außenminister*innen*, *Partner*innen*, *Vertreter*innen*, *Staatssekretär*innen*, *Bewerber*innen*, *Generalist*innen*, *Mediator*innen*, *Zivilist*innen* и др. При этом в тексте активно употребляются грамматически некорректные сокращения, нарушающие нормы современного немецкого языка: *Anwält*innen*, *Beamt*innen*, *Expert*innen*, *Kolleg*innen*. Из-за перегласовки или выпадения отдельных частей слова наиболее «видимой» и орфографически маркированной становится феминная форма, что заведомо нарушает заявленное в принципах гендерной политкорректности равенство.

Новая практика применения гендерной звездочки в программных документах некоторых министерств прямо противоречит нормам немецкого языка. Совет по немецкому правописанию (Rat für deutsche Rechtschreibung) в своих решениях на протяжении нескольких лет последовательно отказывает включению гендерных знаков (звездочка, нижнее подчеркивание или двоеточие) в свод правил [Beschluss des Rats ..., 2023]. Эксперты Совета отмечают, что подобные орфографические гендерные новации нарушают «единство и понятность правописания». Согласно актуальной версии официального справочника по немецкой орфографии (Amtliches Regelwerk der deutschen Rechtschreibung) [Amtliches Regelwerk ..., 2024], данные символы относятся к внесистемным образованиям, затрудняющим автоматизированную обработку текстов и компьютерное чтение.

3.2. Лингвокреативные стратегии гендерной политкорректности

Другим радикальным шагом в сторону нарушения языковой нормы, зафиксированным в анализируемых текстах, выступает применение языковых маркеров гендера по отношению к неодушевленным объектам. Так, в документе Министерства экономического сотрудничества и развития обезличенная оппозиция *Geber* — *Nehmer*, семантически включающая целые геополитические регионы (Глобальный Север — Глобальный Юг), заменена на гендерно-маркированные единицы *Geber*innen* и *Nehmer*innen*:

Die Beziehung zwischen dem Globalen Süden und Globalen Norden ist noch immer höchst ungleich und insbesondere geprägt von einer wirtschaftlichen Ungleichheit und dadurch bedingten Abhängigkeitsverhältnissen zwischen „Geber*innen“ und „Nehmer*innen“ (Отношения между Глобальным Югом и Глобальным Севером по-прежнему остаются далеко неравными и характеризуются экономическим неравенством и обусловленной им системой зависимостей между «донорами» и «реципиентами») (здесь и далее перевод наш. — Е. К.).

Подобное применение авторами текстов гендерных маркеров для обозначения социально-экономических категорий искусственно лишает язык способности к абстракции.

В Руководящих принципах МИД ФРГ также зафиксировано применение гендерной звездочки по отношению к сложносоставным словам, не представляющим прямую номинацию лиц (лат. *nomina agentis*):

Feministische Außenpolitik ist Chef*innensache. Die Bundesministerin des Auswärtigen und die Leitung des Auswärtigen Amtes werden sie als solche behandeln (Феминистская внешняя политика — высший приоритет. Министр иностранных дел и руководство министерства будут исходить из этого принципа).

Это яркий пример проявления гендерной лингвокреативности, свойственной речи женщин-политиков рассматриваемого периода, в частности Аннелены Бербок. Традиционная форма лексемы *Chefsache* (дело высшего приоритета), в котором компонент *Chef-* уже утратил прямую связь с конкретным лицом мужского пола и функционировал абстрактно, была трансформирована в *Chef*innensache* с помощью гендерной звездочки и феминного суффикса, что значительно расширило референцию слова. Данный процесс можно охарактеризовать как явление гендерной де-реификации (*De-Reifizierung*), когда абстрактный концепт «приоритетной задачи» вновь связывается с половой принадлежностью лиц, принимающих решения.

Применение двух гендерных маркеров к одному сложносоставному слову, не являющемуся прямой номинацией персон, является грубым нарушением языковой нормы. Выход за рамки простой номинации лиц и актив-

ное вторжение в сферу абстрактных или ситуативных понятий несут для авторов программных документов символическое значение, направленное на сознательную деконструкцию упоминаемых некоторыми немецкими исследователями андроцентричных стереотипов в языке вопреки явному нарушению действующей нормы.

Значимый языковой прецедент в политическом дискурсе создала предвыборная кампания Анналены Бербок, активно артикулирующая такие понятия, как *Kanzlerinnenamt* или *Kanzlerinnenkandidatin*, в которых феминизация распространяется на оба конституэнта сложносоставного слова, что лингвистически избыточно и ведет к гендерной асимметрии [Кузнецова и др., 2025]. Склонность к оговоркам и языковым новациям в политическом дискурсе стала визитной карточкой А. Бербок, что, как правило, негативно отражается на ее восприятии в обществе, выполняя, в терминологии О. В. Принципаловой, имидженарушающую функцию [Принципалова и др., 2020].

В то же время некоторые немецкие исследователи описывают дискриминационный потенциал словосложений с маскулинным ядром, что находит подтверждение в справочных изданиях [Steinhauer et al., 2022]. В качестве консервативного решения проблемы, не нарушающего нормы языка, зачастую предлагается стратегия гендерной нейтрализации, элиминирующая прямое указание на пол (например, *Anfängerkurs* — *Einstiegskurs*). Тем не менее немецкий автор К. Олдердиссен в своей книге «Genderleicht» утверждает, что двойная феминизация и распространение гендерного маркера на неодушевленные объекты, референтно связанные с персоналиями и гендерными ролями (например, *Kanzlerinnenamt* = *die Kanzlerin und ihr Amt*), обладают лингвистической легитимностью. Эти стратегии, по мнению исследователя, не противоречат системным закономерностям языка, а, напротив, раскрывают его креативный потенциал для репрезентации новой социально-политической реальности [Olderdissen, 2021].

Косвенно на процесс феминизации политического дискурса Германии оказала влияние и фигура Ангелы Меркель. «Эра» ее правления длиной в 16 лет не только привлекла больше женщин в политику, но и породила лингвистический прецедент: феминитив *Bundeskanzlerin* стал «словом года» в самом начале ее карьеры на высшем политическом посту страны (2005) и прочно вошел в узус. Однако, как отмечают немецкие исследователи, в тот период общество еще не было готово к более радикальным языковым изменениям, таким как, например, лингвистическая феминизация самого института (*Kanzlerinnenamt*) [Olderdissen, 2021]. С позиции системно-функциональной лингвистики (например, в трактовке П. Айзенберга), закрепление формы *Bundeskanzlerin* рассматривается как естественная ре-

ализация словообразовательного потенциала (суффикс *-in*), однако попытки феминизации неодушевленных существительных, обозначающих, например, ведомства, воспринимаются консервативным крылом лингвистов как избыточное идеологическое вмешательство в грамматику [Eisenberg, 2022].

3.3. Механизмы феминизации современного немецкого языка

Наблюдаемые в настоящее время процессы гендерной трансформации немецкого языка, часто воспринимаемые как новации *de novo*, в действительности представляют собой намеренный «откат» к активистским словообразовательным моделям, впервые апробированным еще в 1980-х годах на волне подъема феминистских движений в Германии. Ключевыми площадками для лингвистических экспериментов того времени стали женские журналы, в первую очередь «*Courage*» и «*Emma*». Авторы стремились феминизировать абстрактные и собирательные понятия, вводя в оборот такие лексемы, как *Freundinnenschaft*, *Helferinnenrolle*, *Spezialistinnentum*, *Siegerinnenpose*. В лингвистических трудах подобные гендерные неологизмы были описаны как проявление радикальной «феминистской конгруэнтности» [Pusch, 1984, с. 105]. Несмотря на лингвистическую продуктивность моделей, гендерные формы слов были квалифицированы как учеными, так и рядовыми носителями языка как идеологически мотивированные окказионализмы, не соответствующие «чувству языка» (нем. *Sprachgefühl*).

Современная языковая ситуация демонстрирует возвращение к этим искусственным словообразовательным моделям. Ключевым отличием является смена агентов: от активистов, находящихся в оппозиции, к самим представителям власти как драйверам процесса феминизации. Коммуникативное продвижение гендерных неологизмов в индивидуальном политическом дискурсе женщин-лидеров (в частности, Аннелены Бербок) переводит эти формы из периферии в центр политической дискуссии.

Анализируемые документы выходят за рамки простого требования видимости женщин и переходят к активной феминизации языка политики. Особого внимания заслуживает использование феминитива *Treiberinnen* (движущие силы) для обозначения абстрактных субъектов: *Kultur, Wissenschaft und Forschung, Bildung und Sport sowie Medien sind Treiberinnen gesellschaftlicher Entwicklung* (Культура, наука и исследования, образование и спорт, а также средства массовой информации являются движущими силами общественного развития).

Этот пример демонстрирует сознательное нарушение семантико-референциальных норм немецкого языка с целью метафорической феминизации политического дискурса. Данный прием преследует цель не столько описать реальность, сколько переформатировать ее восприятие. Ассо-

цируя прогрессивные и динамичные концепты (наука, культура, спорт) с грамматическим женским родом, авторы документов пытаются оспорить устоявшуюся, на их взгляд, андроцентричную связь в языке «мужское = активное, агентное», что вступает, однако, в противоречие с нормами немецкого языка и лингвистическим опытом реципиентов.

Подобная сознательная смена мышления достигается через языковые средства выражения новых идей, в том числе посредством использования имплицитных обобщений по женскому роду (нем. *generisches Femininum*). Лингвистически эта стратегия сигнализирует о том, что цель достигается не только административно (например, введением квот, то есть законодательных мер для увеличения до 30 % доли женщин на руководящих должностях в крупных компаниях и государственных структурах), но и путем превентивного изменения языковой структуры: новое языковое поведение делает женщину-лидера нормой, а не исключением, в первую очередь лингвистически. Так, в приведенном ниже примере использование феминитива *Botschafterin* для обозначения новой позиции в структуре МИД ФРГ, кандидат на которую еще не выбран, можно считать одним из случаев практической реализации описываемой стратегии: *Mainstreaming wird eine Schlüsselrolle spielen. Dies soll in Zukunft eine Botschafterin des Auswärtigen Amtes für feministische Außenpolitik leisten* (Продвижение играет ключевую роль. В будущем этим вопросом будет заниматься посол по вопросам феминистской внешней политики).

В приведенном примере грамматический род выполняет не дескриптивную (описание реальности), а прескриптивную (конструирование желаемой реальности) функцию. Это своего рода «лингвистический авангард», который навязывает адресату определенный образ должности как единственно верный в рамках новой повестки.

3.4. Альтернативные стратегии выражения гендера в языке

Менее ярко выражена в текстах документов стратегия парного упоминания как обращение к представителям обоих полов — одна повторяющаяся единица в двух доктринах: *Frauen und Männer*. Авторы чаще используют парные сочетания не в классической форме противопоставления полов, а в тематической феминистской интерпретации, например, *Frauen und Mädchen* (21 повторение).

Второй по частотности стратегией, применяемой в документах, выступает гендерная нейтрализация. Она достигается за счет использования гендерно неспецифичных существительных, грамматический род которых не совпадает с биологическим полом и несет обобщающее метагендерное значение (например, субстантивированные прилагательные и причастия, собирательные имена и др.): *Kulturschaffende, Entsandte, Verhandlungsfüh-*

rende, Promovierende, Nachwuchskräfte, Ansprechpersonen. Одни из самых частотных гендерно-нейтральные единиц текстов: *die Beschäftigten* (27 повторений) и *die Personen* (16 повторений).

Как отмечает Ю. Г. Тимралиева, стремление к нейтрализации также не всегда оправданно. В отдельных случаях оно приводит к семантической депривации и потере точности высказывания [Тимралиева и др., 2025]. Использование гендерно-нейтральных форм смещает акцент с профессиональной идентичности на сиюминутное действие, что может приводить к стилистической тяжеловесности текстов как «канцеляритов» (в терминологии К. И. Чуковского).

При анализе программных документов почти не было выявлено случаев использования обобщений по мужскому роду (нем. *generisches Maskulinum*). Напротив, тексты демонстрируют сознательное и последовательное избегание этой формы, что иллюстрирует радикальный отход от традиционного стиля немецких официальных документов. Так, согласно справочнику по нормотворческой технике (*das Handbuch der Rechtsförmlichkeit des BMJ [Handbuch ..., 2024]*), универсальные имена существительные мужского рода используются в собирательном значении, подразумевая лиц как мужского, так и женского пола, а также юридических лиц. Авторы текстов почти полностью избегают использования мужского рода в обобщающем значении, что является сознательным лингвистическим выбором. Исключением выступают лишь две единицы (*die Gesprächspartner, die Täter*), использованные как элементы цитат. Эти примеры лишь подчеркивают, насколько тотальной была гендерная правка текстов.

На основе полученных результатов можно констатировать, что наблюдаемая в программных документах современной Германии гендерная трансформация языка представляет собой процесс намеренно производимого размывания лингвистических норм. Использование внесистемных графических символов и форсированная феминизация абстрактных понятий не способствуют реальному социальному равенству, но существенно снижают качество официальной коммуникации в государственных структурах, делая ее двусмысленной и идеологически перегруженной. С позиции классического языкознания рассмотренные в статье гендерные новации являются не естественным развитием языка, а его идеологической инструментализацией, что требует критического переосмысления в академической среде.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет утверждать, что реализация феминистской политики в современной Германии выступает катализатором

искусственной трансформации немецкого языка. Анализ даже ограниченного количества программных документов подтверждает гипотезу о том, что текущие языковые процессы представляют собой форму «языковой инженерии» (Language Engineering), направленную на намеренную деконструкцию языковой нормы в угоду идеологическим установкам.

Выявленные в ходе работы лингвистические маркеры, в первую очередь, частотное использование внесистемных графических символов (гендерная звездочка), принципы феминистской конгруэнтности и феминизация абстрактных понятий свидетельствуют о системном конфликте между политическим прескриптивизмом и грамматической структурой языка. Внедрение подобных новаций, в том числе в сложносоставные слова, не являющиеся прямой номинацией лиц, ведет к размыванию грамматической категории рода и нарушению кодифицированных орфографических и морфологических норм.

Особого внимания заслуживает тот факт, что стремление к «языковой видимости» женщин на практике оборачивается снижением качества официальной коммуникации. Перенасыщение текстов избыточными гендерными маркерами создает неоправданную когнитивную нагрузку на реципиента, делая официальный дискурс двусмысленным и тяжеловесным. Лингвистический выбор в рассмотренных программных документах перестает быть нейтральным инструментом передачи информации, превращаясь в средство идеологической манипуляции.

Таким образом, наблюдаемая гендерная трансформация современного немецкого языка рассматривается не как этап его естественной эволюции, а скорее, как процесс деструктивного вмешательства в устойчивую языковую систему. С позиций классического языкознания, приоритет идеологических требований над внутренней логикой языка создает опасный прецедент подмены языкового стандарта, что требует дальнейшего критического осмысления в академической среде и оценки долгосрочных последствий для целостности языковой культуры.

Перспективным направлением дальнейших научных изысканий представляется анализ восприятия описанных в статье гендерных новаций будущими специалистами в области международных отношений. Экспериментальный ракурс исследования уже доказал свою эффективность при изучении восприятия гендерных дериваций носителями русского языка, выявив тенденцию к соблюдению норм и языковому консерватизму среди представителей молодого поколения [Игнатова, 2019]. Применение аналогичной экспериментальной парадигмы к материалу немецкого языка позволит существенно углубить понимание динамики и оценки языковых изменений в профессиональном политическом дискурсе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Amliches* Regelwerk der deutschen Rechtschreibung. — Mannheim : Leibniz-Institut für Deutsche Sprache, 2024. — 348 p.
2. *Auswärtiges Amt*. Feministische Außenpolitik gestalten. Leitlinien [Electronic resource]. — 2023. — Access mode : <https://www.auswaertiges-amt.de> (accessed 15.10.2025).
3. *Bundesministerium* für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. Feministische Entwicklungspolitik [Electronic resource]. — 2023. — Access mode : <https://www.bmz.de> (accessed 15.10.2025).
4. *Beschluss* Bündnis 90/Die Grünen : Geschlechtergerechte Sprache in Anträgen an die BDK // 39. Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz. — Halle, 20—22.11.2015.
5. *Beschluss* des Rats für deutsche Rechtschreibung vom 14.07.2023, 26.03.2021 und 16.11.2018.
6. *Gendern-Wahlprogramm-Check* 2025 [Electronic resource] // *Geschicht Gendern*. — 07.02.2025. — Access mode : <https://geschichtgendern.de> (accessed 25.10.2025).
7. *Gesetz* zur Gleichstellung von Frauen und Männern für das Land. Nordrhein-Westfalen (Landesgleichstellungsgesetz — LGG). — 09.11.1999. — Access mode : https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=220071121100436242 (accessed 27.10.2025).
8. *Handbuch* der Rechtsförmlichkeit des BMJ [Electronic resource]. — 4. Aufl. — 2024. — Access mode : <https://www.bmj.de> (accessed 27.10.2025).
9. *Landesgleichstellungsgesetz* Nordrhein-Westfalen (LGG) [Electronic resource]. — 09.11.1999. — Access mode : <https://recht.nrw.de> (accessed 20.10.2025).

Литература

1. *Антропова Н. А.* К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка / Н. А. Антропова // *Зарубежная филология*. — 2016. — Т. 11. — № 3. — С. 49—55.
2. *Игнатова Е. М.* Гендерная деривация: женские варианты названий профессий глазами студентов МГИМО (экспериментальное исследование) / Е. М. Игнатова // *Филологические науки в МГИМО*. — 2019. — № 4 (20). — С. 40—49. — DOI: 10.24833/2410-2423-2019-4-20-40-49.
3. *Кузнецова Е. Д.* Гендерная лингвокреативность современного немецкого языка (на примере дискурса А. Бербок) / Е. Д. Кузнецова, М. А. Чигашева // *Политическая лингвистика*. — 2025. — № 3 (111). — С. 73—84.
4. *Лалетина А. О.* Нормы гендерной политкорректности в различных дискурсивных практиках / А. О. Лалетина // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. — 2010. — № 2. — С. 179—183.
5. *Нефедова Л. А.* Гендерно инклюзивная фразеология немецкого и русского языков : новые аспекты изучения гендера в языке и коммуникации / Л. А. Нефедова // *Когнитивные исследования языка*. — 2024. — № 4 (60). — С. 241—249.
6. *Николаева Н. Н.* Гендерная политкорректность в языке и истоки ее идеологии / Н. Н. Николаева // *Вестник ИрГТУ*. — 2007. — № 1 (29). — С. 137—138.

7. *Принципалова О. В.* Вербализация имидженарушающих интенций в немецком политическом дискурсе / О. В. Принципалова, В. М. Глушак // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 4. — С. 92—99.

8. *Слинина Л. Я.* Гендерная справедливость как объект любительской языковой критики в немецких СМИ / Л. Я. Слина, Д. Е. Нифонтова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — Т. 18. — № 4. — С. 847—862.

9. *Соколов А. П.* Концепция *Zeitenwende* в зеркале стратегических документов правительства Олафа Шольца / А. П. Соколов, С. Е. Проценко // Вестник МГИМО-Университета. — 2024. — Т. 17. — № 6. — С. 230—251. — DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-230-251.

10. *Тимралиева Ю. Г.* Проблемы использования гендерно нейтрального языка в Германии / Ю. Г. Тимралиева, А. Л. Ломоносова // Дискурс. — 2025. — Т. 11. — № 3. — С. 131—140. — DOI: <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-131-140>.

11. *Чигашева М. А.* Гендерная политкорректность в немецком языке (на материале публичных выступлений политических деятелей) / М. А. Чигашева // Филологические науки в МГИМО. — 2020. — № 3 (23). — С. 72—79. — DOI: 10.24833/2410-2423-2020-3-23-72-79.

12. *Чигашева М. А.* Национально-культурная специфика политического языка лидеров блока ХДС/ХСС / М. А. Чигашева, М. А. Елизарьева, Т. С. Ларина // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 4. — С. 152—165. — DOI 10.17976/jpps/2020.04.11.

13. *Ängsal M.* Wortkritik in der Feministischen Sprachkritik / M. Ängsal // Handbuch Sprachkritik. — Berlin : J. B. Metzler, 2020. — С. 66—72.

14. *Braun F.* Der Einfluss generisch maskuliner und alternativer Personenbezeichnungen auf die kognitive Verarbeitung von Texten / F. Braun, S. Oelkers, K. Rogalski, J. Bosak, S. Sczesny // Psychologische Rundschau. — 2007. — Vol. 58. — № 3. — С. 183—189.

15. *Eisenberg P.* Weder geschlechtergerecht noch gendersensibel. Geschlechtergerechte Sprache / P. Eisenberg // Aus Politik und Zeitgeschichte. Zeitschrift der Bundeszentrale für politische Bildung. — 2022. — № 5. — С. 30—35.

16. *Fröhlich M.* Feministische Außenpolitik — Hintergründe und Praxis [Electronic resource] / M. Fröhlich, A. Hauschildt // Aus Politik und Zeitgeschichte. — 2023. — Access mode : <https://www.bpb.de> (accessed 15.11.2025).

17. *Günther S.* Sprachwissenschaft und Geschlechterforschung: Übermittelt unsere Sprache ein androzentrisches Weltbild? / S. Günther // Handbuch Interdisziplinäre Geschlechterforschung : in 2 Bd. — Wiesbaden : Springer VS, 2019. — Bd. 1. — С. 571—579.

18. *Haberich M.* Gendern? Nein, danke! Wurzeln und Auswirkungen der Gender-Ideologie / M. Haberich. — Paderborn : IFB Verlag Deutsche Sprache, 2022. — 218 p.

19. *Hellinger M.* Kontrastive feministische Linguistik: Mechanismen sprachlicher Diskriminierung im Englischen und Deutschen / M. Hellinger. — Ismaning : Hueber, 1990. — 176 p. — ISBN 3190066051.

20. *Hellinger M.* Eine Sprache für beide Geschlechter : Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch / M. Hellinger, C. Bierbach. — Bonn : Dt. UNESCO-Komm., 1993. — Pp. 33—39.

21. *Kelle B.* Gender-Gaga. Wie eine absurde Ideologie unseren Alltag erobern will / B. Kelle. — München : Finanzbuch Verlag, 2020. — 224 p. — ISBN 978-3960927884.

22. *Klein M.* Das Ende der Gender-Sprache : Genderismus, Sprachkrampf, Tiefenpsychologie / M. Klein. — Lengerich : Pabst Science Publishers, 2021. — 321 p.

23. *Kotthoff H.* Von Syrx, Sternchen, großem I und bedeutungsschweren Strichen / H. Kotthoff // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. — 2017. — Nr. 90. — С. 91—117.

24. *Maier T.* Re:framing Gender. Geschlechtergerechte politische Kommunikation verstehen und umsetzen / T. Maier. — Bonn : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2021. — 241 p.
25. *Müchler G.* Das Gender-Diktat : Wie eine Minderheit unsere Sprache / G. Müchler. — Münster : Aschendorff Verlag, 2023. — 165 p. — ISBN 978-3402250006.
26. *Nübling D.* Genus und Geschlecht : Zum Zusammenhang von grammatischer, biologischer und sozialer Kategorisierung / D. Nübling. — Mainz ; Stuttgart : Akademie der Wissenschaften und der Literatur ; Franz Steiner, 2020. — 32 p. — ISBN 978-3515126793.
27. *Olderdissen C.* Genderleicht. Wie Sprache für alle elegant gelingt / C. Olderdissen. — Berlin : Duden-Verlag, 2021. — 224 p. — ISBN 978-3411756759.
28. *Posch C.* Feministische Sprachpolitik in Österreich — Hot Topic oder Fail? / C. Posch // Sprachenpolitik in Österreich. — Berlin ; Boston : De Gruyter, 2024. — Pp. 449—476.
29. *Pusch L. F.* Deutsch als Männersprache / L. F. Pusch. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1984. — Pp. 194—200.
30. *Stefanowitsch A.* Eine Frage der Moral : Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen / A. Stefanowitsch. — Berlin : Duden-Verlag, 2018. — 425 p. — ISBN 978-3411743582.
31. *Steinhauer A.* Handbuch gendergerechte Sprache / A. Steinhauer, G. Diewald. — Berlin : Duden-Verlag, 2022. — 280 p. — ISBN 9783411912964.
32. *Trömel-Plötz S.* Frauensprache — Sprache der Veränderung / S. Trömel-Plötz. — Frankfurt a. M. : Fischer, 1979. — 218 p.
33. *Zifonun G.* Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem / G. Zifonun // Sprachreport. — 2018. — Nr. 34. — S. 44—56.
34. *Zilla C.* Neuausrichtung der Außenpolitik / C. Zilla // SWP-Aktuell. — 2023. — A21. — DOI: 10.18449/2023A21.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2025,
одобрена после рецензирования 25.02.2026,
подготовлена к публикации 25.03.2026.*

Material resources

- Amtliches Regelwerk der deutschen Rechtschreibung.* (2024). Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. 348 p. (In Germ.).
- Auswärtiges Amt. Feministische Außenpolitik gestalten. Leitlinien.* (2023). Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de> (accessed 15.10.2025). (In Germ.).
- Beschluss Bündnis 90/Die Grünen: Geschlechtergerechte Sprache in Anträgen an die BDK. (2015). *Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz.* Halle. (In Germ.).
- Beschluss des Rats für deutsche Rechtschreibung vom 14.07.2023, 26.03.2021 und 16.11.2018.* (In Germ.).
- Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. Feministische Entwicklungspolitik.* (2023). Available at: <https://www.bmz.de> (accessed 15.10.2025). (In Germ.).
- Gendern-Wahlprogramm-Check 2025. (2025). *Geschicht Gendern.* Available at: <https://geschichte.gendern.de> (accessed 25.10.2025). (In Germ.).
- Gesetz zur Gleichstellung von Frauen und Männern für das Land. Nordrhein-Westfalen (Landesgleichstellungsgesetz — LGG).* (1999). 09.11. Available at: https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=220071121100436242 (accessed 27.10.2025). (In Germ.).

Handbuch der Rechtsförmlichkeit des BMJ. (2024). Available at: <https://www.bmj.de> (accessed 27.10.2025). (In Germ.).

Landesgleichstellungsgesetz Nordrhein-Westfalen (LGG). (1999). Available at: <https://recht.nrw.de> (accessed 20.10.2025). (In Germ.).

References

Ängsäl, M. (2020). Wortkritik in der Feministischen Sprachkritik. In: *Handbuch Sprachkritik.* Berlin: J. B. Metzler. 66—72. (In Germ.).

Antropova, N. A. (2016). On the issue of gender-correct use of the German language. *Foreign Philology, 11 (3):* 49—55. (In Russ.).

Braun, F., Oelkers, S., Rogalski, K., Bosak, J., Sczesny, S. (2007). Der Einfluss generisch maskuliner und alternativer Personenbezeichnungen auf die kognitive Verarbeitung von Texten. *Psychologische Rundschau, 58 (3):* 183—189. (In Germ.).

Chigasheva, M. A. (2020). Gender political correctness in the German language (based on the material of public speeches by political figures). *Philological Sciences at MGIMO, 3 (23):* 72—79. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-3-23-72-79. (In Russ.).

Chigasheva, M. A., Elizars`eva, M. A., & Larina, T. S. (2020). The National-Cultural Profile of the Political Language of CDU/CSU Leaders. *Polis. Political Studies, 4:* 152—165. DOI 10.17976/jpps/2020.04.11. (In Russ.).

Eisenberg, P. (2022). Weder geschlechtergerecht noch gendersensibel. Geschlechtergerechte Sprache. *Aus Politik und Zeitgeschichte. Zeitschrift der Bundeszentrale für politische Bildung, 5:* 30—35. (In Germ.).

Fröhlich, M., Hauschildt, A. (2023). Feministische Außenpolitik — Hintergründe und Praxis. *Aus Politik und Zeitgeschichte.* Available at: <https://www.bpb.de> (accessed 15.11.2025). (In Germ.).

Günther, S. (2019). Sprachwissenschaft und Geschlechterforschung: Übermittelt unsere Sprache ein androzentrisches Weltbild? In: *Handbuch Interdisziplinäre Geschlechterforschung: in 2 Bd., 1.* Wiesbaden: Springer VS. 571—579. (In Germ.).

Haberich, M. (2022). *Gendern? Nein, danke! Wurzeln und Auswirkungen der Gender-Ideologie.* Paderborn: IFB Verlag Deutsche Sprache. 218 p. (In Germ.).

Hellinger, M. (1990). *Kontrastive feministische Linguistik: Mechanismen sprachlicher Diskriminierung im Englischen und Deutschen.* Ismaning: Hueber. 176 p. ISBN 3190066051. (In Germ.).

Hellinger, M., Bierbach, C. (1993). *Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch.* Bonn: Dt. UNESCO-Komm. 33—39. (In Germ.).

Ignatova, E. M. (2019). Gender derivation: female variants of profession names through the eyes of MGIMO students (experimental study). *Philological Sciences at MGIMO, 4 (20):* 40—49. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-4-20-40-49. (In Russ.).

Kelle, B. (2020). *Gender-Gaga. Wie eine absurde Ideologie unseren Alltag erobern will.* München: Finanzbuch Verlag. 224 p. ISBN 978-3960927884. (In Germ.).

Klein, M. (2021). *Das Ende der Gender-Sprache: Genderismus, Sprachkrampf, Tiefenpsychologie.* Lengerich: Pabst Science Publishers. 321 p. (In Germ.).

Kotthoff, H. (2017). Von Syrinx, Sternchen, großem I und bedeutungsschweren Strichen. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie, 90:* 91—117. (In Germ.).

Kuznetsova, E. D., Chigasheva, M. A. (2025). Gender linguistic creativity of the modern German language (on the example of A. Berbock's discourse). *Political Linguistics, 3 (111):* 73—84. (In Russ.).

- Laletina, A. O. (2010). Norms of gender political correctness in various discursive practices. *Bulletin of the N. A. Nekrasov Moscow State University*, 2: 179—183. (In Russ.).
- Maier, T. (2021). *Reframing Gender: Geschlechtergerechte politische Kommunikation verstehen und umsetzen*. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung. 241 p. (In Germ.).
- Müchler, G. (2023). *Das Gender-Diktat: Wie eine Minderheit unsere Sprache*. Münster: Aschendorff Verlag. 165 p. ISBN 978-3402250006. (In Germ.).
- Nefedova, L. A. (2024). Gender-inclusive phraseology of German and Russian languages: new aspects of studying gender in language and communication. *Cognitive language research*, 4 (60): 241—249. (In Russ.).
- Nikolaeva, N. N. (2007). Gender political correctness in language and the origins of its ideology. *Bulletin of the IrGTU*, 1 (29): 137—138. (In Russ.).
- Nübling, D. (2020). *Genus und Geschlecht: Zum Zusammenhang von grammatischer, biologischer und sozialer Kategorisierung*. Mainz; Stuttgart: Akademie der Wissenschaften und der Literatur; Franz Steiner. 32 p. ISBN 978-3515126793. (In Germ.).
- Olderdissen, C. (2021). *Genderleicht. Wie Sprache für alle elegant gelingt*. Berlin: Duden-Verlag. 224 p. ISBN 978-3411756759. (In Germ.).
- Posch, C. (2024). Feministische Sprachpolitik in Österreich — Hot Topic oder Fail? In: *Sprachenpolitik in Österreich*. Berlin; Boston: De Gruyter. 449—476. (In Germ.).
- Principalova, O. V., Glushak, V. M. (2020). Verbalization of image-destroying intentions in German political discourse. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 92—99. (In Russ.).
- Pusch, L. F. (1984). *Deutsch als Mönnersprache*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. 194—200. (In Germ.).
- Slinina, L. Ya., Nifontova, D. E. (2021). Gender justice as an object of amateur language criticism in the German media. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 18 (4): 847—862. (In Russ.).
- Sokolov, A. P., Protsenko, S. E. (2024). The Zeitenwende concept in the mirror of the strategic documents of the government of Olaf Scholz. *Bulletin of MGIMO University*, 17 (6): 230—251. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-230-251. (In Russ.).
- Stefanowitsch, A. (2018). *Eine Frage der Moral: Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen*. Berlin: Duden-Verlag. 425 p. ISBN 978-3411743582. (In Germ.).
- Steinhauer, A., Diewald, G. (2022). *Handbuch gendergerechte Sprache*. Berlin: Duden-Verlag. 280 p. ISBN 9783411912964. (In Germ.).
- Timralieva, Yu. G., Lomonosova, A. L. (2025). The problems of using a gender-neutral language in Germany. *Discourse*, 11 (3): 131—140. DOI: <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-131-140>. (In Russ.).
- Trömel-Plötz, S. (1979). *Frauensprache — Sprache der Veränderung*. Frankfurt a. M.: Fischer. 218 p. (In Germ.).
- Zifonun, G. (2018). Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem. *Sprachreport*, 34: 44—56. (In Germ.).
- Zilla, C. (2023). Neuaustrichtung der Außenpolitik. *SWP-Aktuell. A21*. DOI: 10.18449/2023A21. (In Germ.).

*The article was submitted 02.12.2025;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 25.03.2026.*